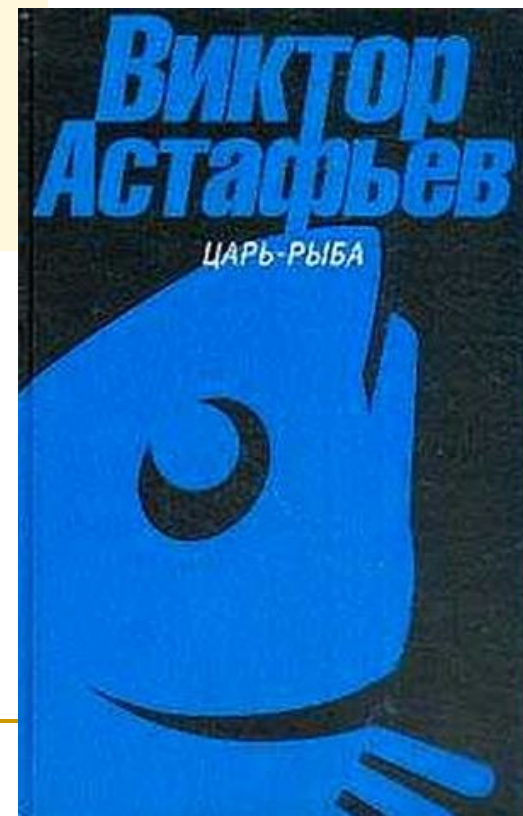
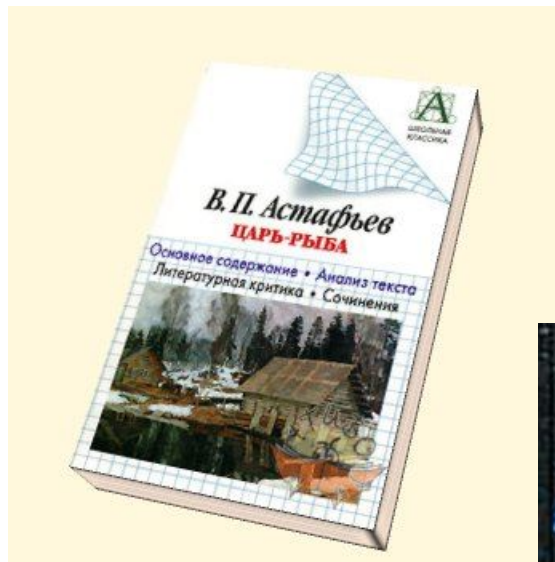

В.П.Астафьев. «Царь - рыба»

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

Николай Рубцов

Если мы будем себя вести как следует, то мы, растения и животные, будем существовать в течение миллиардов лет, потому что на солнце есть большие запасы топлива и его расход прекрасно регулируется.

Халдор Шепли

Царь – рыба (краткое содержание)

Игнатъич — главный герой новеллы. Этого человека уважают односельчане за то, что он всегда рад помочь советом и делом, за сноровку в ловле рыбы, за ум и сметливость. Это самый зажиточный человек в селе, все делает «ладно» и разумно. Нередко он помогает людям, но в его поступках нет искренности. Не складываются

у героя новеллы добрые отношения и со своим братом.

В селе Игнатъич известен как самый удачливый и умелый рыбак. Чувствуется, что он в избытке обладает рыбацким чутьем, опытом предков и собственным, обретенным за долгие годы. Свои навыки Игнатъич часто использует во вред природе и людям, так как занимается браконьерством. Истребляя рыбу без счета, нанося природным богатствам

реки непоправимый урон, он сознает незаконность и неблагоприятность своих поступков, боится «сраму»,

который может его постигнуть, если браконьера в темноте подкараулит лодка рыбнадзора. Заставляла же Игнатъича ловить рыбы больше, чем ему было нужно, жадность, жажда наживы любой ценой.

Это и сыграло для него роковую роль при встрече с царь-рыбой.

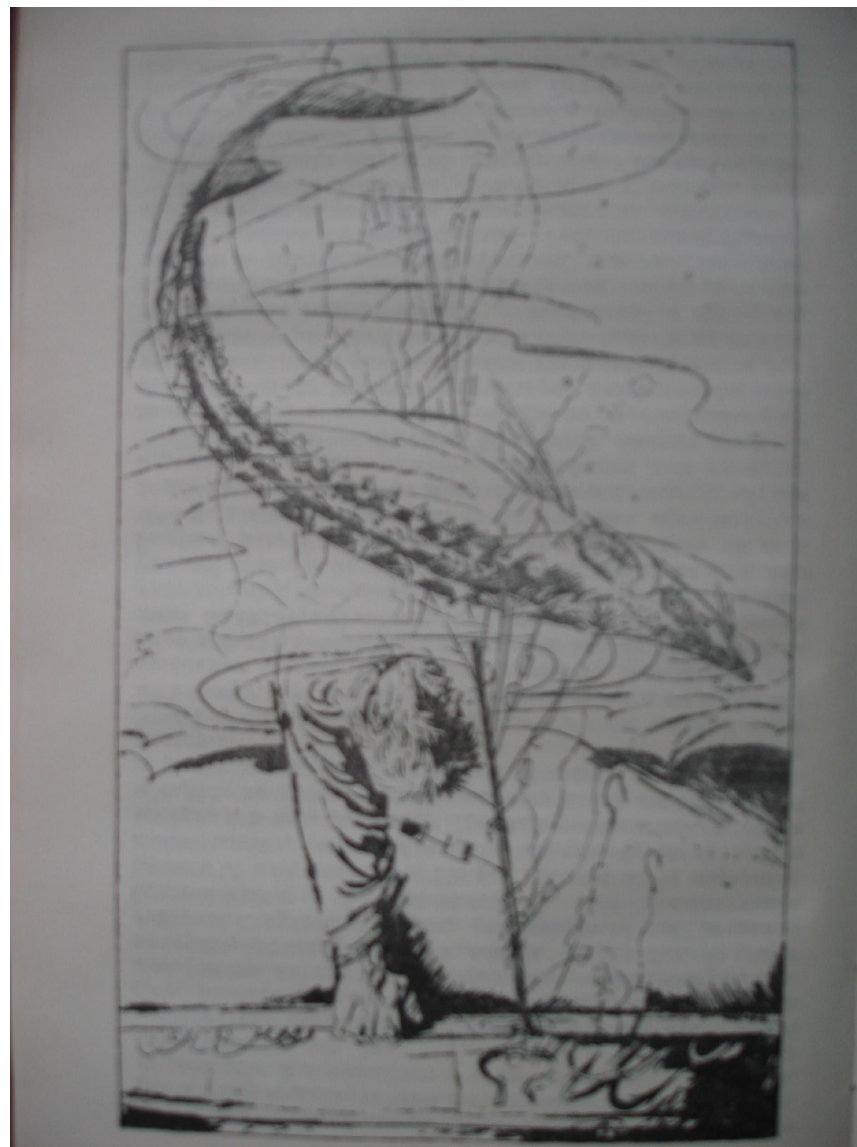
-
- Рыба походила на «доисторического ящера», «глазки без век, без ресниц, голые, глядящие со змеиной холодностью, чего-то таили в себе». Игнатъича поражают размеры осетра, выросшего на одних «козявках» и «вьюнцах», он с удивлением называет его «загадкой природы».
 - С самого начала, с того момента, как увидел Игнатъич царь-рыбу, что-то «зловещее» показалось ему в ней, и позже понял, что «одному не совладать с таким чудищем». Желание позвать на подмогу брата с механиком вытеснила всепоглощающая жадность: «Делить осетра?.. В осетре икры ведра два, если не больше. Икру тоже на троих?!» Игнатъич в эту минуту даже сам устыдился своих чувств.
 - Но через некоторое время «жадность он почел азартом», а желание поймать осетра оказалось сильнее голоса разума. Кроме жажды наживы, была ещё одна причина, заставившая Игнатъича помериться силами с таинственным существом. Это удаль рыбацкая. «А-а, была не была! — подумал главный герой новеллы. — Царь-рыба попадается раз в жизни, да и то не «всякому Якову».
-

■ Отбросив сомнения, «удало, со всего маху Игнатъич жахнул обухом топора в лоб царь-рыбу...». Вскоре незадачливый рыбак оказался в воде, опутанный своими же удами с крючками, впившимися в тела Игнатъича и рыбы.

■ «Реки царь и всей природы царь — на одной ловушке», — пишет автор. Тогда и понял рыбак, что огромный осетр «не по руке ему». Да он и знал это с самого начала их борьбы, но «из-за этакой гады забылся в человеке человек». Игнатъич и царь-рыба «повязались одной долей». Их обоих ждет смерть.

■ Страстное желание жить заставляет человека рваться с крючков, в отчаянии он даже заговаривает с осетром. «Ну что тебе!.. Я брата жду, а ты кого?» — молит Игнатъич. Жажда жизни толкает героя и да то, чтобы перебороть собственную гордыню. Он кричит: «Бра-ате-ельни-и-и-ик!..» Игнатъич чувствует, что погибает.

■ Рыба «плотно и бережно жалась к нему толстым и нежным брюхом». Герой новеллы испытал суеверный ужас от этой почти женской ласковости холодной рыбы. Он понял: осетр жметя к нему потому, что их обоих ждет смерть. В этот момент человек начинает вспоминать свое детство, юность, зрелость.

Кроме приятных воспоминаний, приходят мысли о том, что его неудачи в жизни были связаны с браконьерством. Игнатъич начинает понимать, что зверский лов рыбы всегда будет лежать на его совести тяжелым грузом. Вспомнился герою новеллы и старый дед, наставлявший молодых рыбаков: «А ежели у вас, робяты, за душой што есть, тяжкий грех, срам какой, варначество — не вяжитесь с царью-рыбой, попадетса коды — отпушшайте сразу». Слова деда и заставляют астафьевского героя задуматься над своим прошлым.

Какой же грех совершил Игнатъич? Оказалось, что тяжкая вина лежит на совести рыбака. Надругавшись над чувством невесты, он совершил проступок, не имеющий оправдания. Игнатъич понял, что этот случай с царь-рыбой — наказание за его дурные поступки. Обращаясь к Богу, Игнатъич просит: «Господи! Да разведи ты нас! Отпусти эту тварь на волю! Не по руке она мне!» Он просит прощения у девушки, которую когда-то обидел: «Прос-сти-итееее... её-еэээ... Гла-а-аша-а-а, прости-и-и».

После этого царь-рыба освобождается от крюков и уплывает в родную стихию, унося в теле «десятки смертельных уд».

Игнатъичу сразу становится легче: телу — оттого что рыба не висела на нем мертвым грузом, душе — оттого что природа простила его, дала ещё один шанс на искупление всех грехов и начало новой жизни.

У Золотой карги

У ЗОЛОТОЙ КАРГИ

Верстах в шести вышла речка Оларихи в Енисей впадает еще более бесноватая, светлая и рыбная речка Сурниха, на которой когда-то и ограбили Коллю с Акимом желны, вокрав у них мерваков.

По подоразделу Сурнихи оканчивается горный перевал. Надалека видно боковую горбину осередыша. Она круто обрывается водой, как бы даже отшатнулась от Енисея, вдыбилась, свалилась осыпным каменным мысом в Сурниху.

Закончившись на виду, перевал продолжается в воде, над ее гоншей. Бурливо, раскатисто над ним течение Енисея. Подводные гряды — здешние рыбаки называют каргами, на них и в них застревает много кламу, в хламе и камнях лепится всякая водяная козявка, ручейник, нук-водошлав и особенно много мормыша — любимой пищи осетра, стерляди да и всякой другой водяной твари.

От Сурнихи до Оларихи и ниже их по течению держится красная рыба, и поэтому в устье этих речек постоянно вьются чушпанские браконьеры, которые слово это кулительным не считают, даже наоборот, охотно им пользуются, заменив привычное слово — рыбаки. Должно быть, в чужом, инородном слове чудится людям какая-то таинственность и разжигает она в душе поэма на дела тоже таинственные и рискованные, и вообще развивает сметку, углубляет умствительность и характер.

Законы и всякие новые веяния чушпанцами воспринимаются с древней, мужицкой хитрецей — если закон

У Золотой карги

Опрятный, чисто выбритый рыбак, степенный в движениях, походке и разговоре, по фамилии Утробин, извлек краевую газету и от нечего делать стал читать вслух, бросая усмешливые взгляды на слушателей: "За последние годы многие браконьеры для большей свободы действия стали орудовать по ночам. Это в сильной мере осложнило работу рыбоохраны. Сейчас в борьбу с ними вступили совершенные приборы ночного видения. Вскоре ими будут оснащены все мототеплоходы и катера Енисейрыб- вода, радиус действия этих сложных оптических приборов достигает нескольких километров. Так что если ночной браконьер и уйдет от преследования, то внешний его вид, лицо, одежда, опознавательные знаки на моторке, марка мотора и другие подробности уже будут известны работникам рыбоохраны. А уходят браконьеры довольно часто. Моторы у них обычно сильные, иногда даже по два на лодке. Попробуй догони!"

Теперь в этих случаях будут выручать приборы ночного видения, -- продолжал читать Утробин, -- а днем фоторужья, которые тоже появились на вооружении рыбоохраны.

С каждым годом увеличиваются и транспортные средства Енисейрыбвода. После ледохода на Енисей и его притоки для несения патрульной службы вышли шестьдесят мощных мототепло-ходов, четырнадцать катеров, тридцать пять моторок и более ста дюралюминиевых лодок.

Весь флот приведен в полную боевую готовность. Врагам природы не будет никакой пощады!"

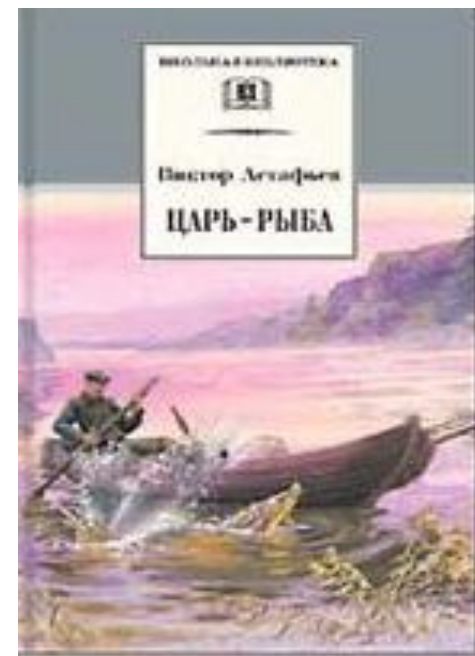
Командор

Когда-то, какими-то ветрами занесло на Енисей уроженца горного Кавказа, и вот из колена в колено выкукливался или штамповался тот неведомый джигит и шествовал в будущее, стойко сохраняя свой яростный облик. От залетной кавказской птицы, скорее всего от беглого чеченца, приросла веточка к роду Утробиных -- у Командора и другое прозвище есть -- чеченец.

Из-под бровей с постоянным напряжением и вызовом сверкали резкие глаза, но неухоженный курчавый волос, клубящийся на голове Командора, и чуть размазанные губы, видать, от матери доставшиеся чеченцу, вялые и с лицом его не совпадающие, смягчали облик клешнястого, порывистого человека.

Он не говорил, он выкрикивал слова и при этом сек собеседника молнией взгляда, и может, от дикого вида его иль из-за трубки, а то и от должности -- он и на самом деле плавал командиром стотонной совхозной самоходки, вспоминался певец пиратов, флибустьеров и прочей шоблы: "Стоит он высокий, как дуб, нечесаны рыжие баки, и трубку не вырвать из зуб, как кость у голодной собаки!.."

Командор свалился на спину, закинул руки за голову, недвижно уперся взглядом в небо -- гложет Командора горе. Сильный, независимый, он не признавал его, не ждал, не думал о нем, и потому оно обрушилось на него врасплох. Прошлым летом, в эту же пору, в прозрачный и мягкий день Командор вышел на самолосы.

-
- **Умеет ли плакать рыба? Кто ж узнает? Она в воде ходит, и заплачет, так мокра не видно, кричать она не умеет -- это точно! Если б умела, весь Енисей, да что там Енисей, все реки и моря ревмя ревели б.**
 - **Природа, она ловкая, все и всем распределила по делу: кому выть-завывать, кому молча жить и умирать. Поиграет крючками-пробочками стерлядочка, гоп за бочок -- и в мешочек! Ребятишкам на молочишко, дочке туфли к выпуску.**
 - **Дочка -- слабость Командора. Все лучшее с лица папы позаимствовала: черные лихие брови, кучерявые темные волосы, пронзительно-острые глаза с диковатым отцовским блеском, а от матери -- северную белизну тела, крутую шею, алый рот и вальяжную походку. Хар-рашо! Дочь -- это очень хорошо!**
-

■ Рыбнадзорская дюралька шла наискосок от берега. Мотор на ней поношен, стар, но пел нынче ровно, бодро, струил серенький дымок за кормою. Перебрали мотор, подлатали рыбхалеи.

■ Командор озабеспокоился -- не близко ль надзорную власть подпустил? "А-а, знай наших! Счас оне увидят фокус-мокус! Счас я им покажу землевращенье!.." Бутылка, которая недопитой осталась за сегодняшний день, -- третья. Утром с соседом пол-литра белой выпили, закрасив ее крепкой заваркой. Так вот за столом сидели чинно-важно, попивали "чаек".

■ Пожрать ладом так и не пожрал, чего-то хватанул на ходу, картошек холодных вроде, прихмелел, вот и охватило удальство, захотелось Командору на глазах рыбхалеев допить "Солнцедар"! Запрокинуть голову и, побулькивая горлом, выпятив тощее брюхо, изобразить артиста.

■ Однако ж тут не театр, тут тебе такой аплодисмент дадут -- не прочихаешься. Нынешний браконьеришко что сапер на войне. Только и разницы меж сапером и браконьером, что тому медаль дадут, а этому штраф либо срок.

Несется Командор по речному простору, с ветерком несется, душа поет, удалью полнится, тело, слитое с мотором, спружинено, энергией переполнено, кровь кипит от напряжения, нутро будоражится -- смущает его недопитый "Солнцедар".

■ Несется Командор по речному простору, с ветерком несется, душа поет, удалью полнится, тело, слитое с мотором, спружинено, энергией переполнено, кровь кипит от напряжения, нутро будоражится -- смущает его недопитый "Солнцедар".

■ "Ну ничего, ничего. Потом в честь победы его заглотаем!" Ревут натуженно два мотора на реке, прут лодки в кильватер, со стороны посмотреть -- лихачи вперегонки гоняют.

■ Чушанцы обожают этакую забаву. Тонут иной раз, но какое соревнование без риска.

- **Командор устремился вниз по течению. Лодка прыгнула на круглой волне, ахнула обвальюно носом, раскрыла бель полосы в сыпучие брызги. Командор жадно облизнул с губ мокро и, нахально скаля зубы, пошел прямо на дюральку рыбинспекторов.**
- **Он пронесся так близко, что различил недоумение на лицах преследователей. "Ничего сменщик у Семена, ладно скроен и крепко, как говорится, сшит! Черен, цыганист, лешачьи глазищи в туго налитых мешках глазниц. Да-а, это тебе не хроменький Семен с пробитой черепушкой! С этим врукопашную придется, может, и стреляться не миновать..."**
- **И только так подумал Командор, сзади бухнуло, нет, сперва воду вспоролo рядом с лодкой, потом уж бухнуло. "Стреляют!" -- Командор утянул голову в плечи, тоска, не боязнь, не страх, а вот именно тоска охватила его, сжала чего-то там, внутри, непривычной болью иль тошнотой.**

- Уркнул мотор вдогон шедшей дюральки. Снялся с беседки Семен, шатаясь поспешил на корму. -- Сели-запели! Что и требовалось доказать! -- подвел итог своим действиям Командор.
- Сбросив газ, он поднялся с кормовой беседки, приложил руку козырьком ко лбу. Надзорная власть сидела на мели плотно. Поставив мотор на малые обороты, так, чтоб лодку не сносило и вперед она не бегла, Командор потянулся, передернул плечами -- кость застоялась, хрустела.
- Размявшись, он достал из багажника недопитую бутылку, разболтал ее, зычно крикнул: "Будем здоровы, товаришшы!" -- и опорожнил досуха. Бросив бутылку в сторону рыбинспекторской лодки, он еще крикнул: "Двенадцать коп стоит!", и, решив, что такого куража недостаточно, выбрал самую крупную стерлядь, помахал ею, притопывая и напевая: "А-а-ах ты, м-моя дор-рога-а-ая-а, а-а-ах ты, з-зо-ло-та-ая!"
- Торжество быстро его утомило, погоня напряженной была

- Хорошо, просто здорово и необходимо знать человеку, что дома его ждут и любят. Другой раз поздней осенней ночью зайвится мокрый, промерзший, как пес, сапоги в сенках снимет, чтоб не бухать по половицам, на тырлах к русской печи крадется, а она, Тайка, из своей комнатухи голос подаст: "Это ты, Командор?" -- "Я, я, спи!" -- "Ну как на вахте?" -- "Порядок на вахте".
- Чем старше становилась дочка, тем реже зверел Командор пьяный, старался при ней не лаяться по-черному и вообще с годами вроде как отмяк душою.
- Жену он заметил еще с реки, возле своей рыбацкой будки. Стояла какая-то вся серая, и не сразу догадался -- в плаще сером она. "Че это она явилась на берег?" -- встревожился Командор и, забыв сбросить газ, со всего хода грохнулся лодкой в берег. Жена медленно, вязко подошла к лодке и, остановившись в отдалении, глухо произнесла:
 - Носишься по реке, голову сломить не можешь...
 - Че? Че ты?
 - Беда у нас. Тайку задавило...

-
- **Дальше он уже ничего не помнил: как выскочил из лодки, как бежал домой, одолев береговой крутик в несколько прыжков. Ребятишки -- сын и дочка -- прятались за баней, в сенках толпился народ, возле кровати стоял старший брат Зиновий. Он отстранился, увидев Командора. Застыл среди горницы Командор, глядя на дочку, лежавшую на чистом покрывале, в измятой, рваной и грязной форме -- вся какая-то скомканная, будто белогрудка-береговушка, из рогатки подшибленная.**
 - **Дочка! Ты че? Тай! Ты давай, брат, давай!.. -- бодренько воскликнул Командор. -- Я вот приплыл. На вахте... порядок...**
 - **Жена с маху упала на дочку, загребла ее под себя. "Экая копна! Придавила..." -- сморщился Командор. -- Доченька! Скажи что-нибудь! Скажи родителям СВОИМ...**
-

■ Командор зарычал, отбросил жену, схватил дочку на руки, затряс, забайкал неумело -- он их, маленьких-то ребят, и Тайку тоже, знать не знал, никогда с ними не водился, матерно ругал, если они орали, марались и болели.

■ И вот, вытирая мазутной ладонью кровь с лица и шеи Тайки, поднимал ее упавшую птичью головку с косою, болтающуюся вялым, перешибленным пером...

■ -- Че делаешь-то? Спятил! -- очурал его старший брат. Отобрав Тайку, он опустил ее твердое тело на кровать, сложил покорные руки на груди, незаметно перекрестился, глядя на богатый ковер, выменянный на пароходе за рыбу. -- Совсем олесачились! Возле покойника дикуем...

■ -- Кто? Где? -- услышав про покойника, захрипел Командор и бросился в кладовку, выхватил ружье, патронташ. На нем повисли брат, жена, соседи. Всех разбросал. Бегал по поселку, искал погубителя.

-
- **Нажравшись бормотухи, шофер, вывозивший с берега дрова, уснул за рулем, вылетел на тротуар и сбил двух школьниц, возвращавшихся с утренника.**
 - **Шофер спрятался за прудом, в хламных кустах, спал в ожидании милиции и следователя, не чую оводов, облепивших его рожу.**
 - **Не найдя шофера, распалив патроны наудалую, в лес, Командор наладился топиться, бросил с дебаркадера в воду ружье, сапоги, порвал рубаху и прыгнул в Енисей. Едва его вынули -- отбивался. До потери сознания поили водкой, судороги с ним начались, пена ртом пошла -- пал неистовый чеченец, погас, обмяк, сварился. На похоронах не плакал, не голосил, стоял всему покорный и трезвый, в ненадеванном костюме, в модной мятой рубахе, не зная, что делать, куда себя девать.**
-

■ Отходил Командор долго, трудно. В одиночестве и в горе не прильнул к семье, еще больше отдалился от нее, почти ненавидя младших своих ребят за то, что они, постылые, живут на свете, а Тайки нет.

■ Дети, чувствуя злобу родителя, на глаза ему старались не попадаться. Девочка, что угодила вместе с Тайкой под машину и осталась жива, хотя и ходила на костыле, тоже избегала встречи с Командором. "Ты-то чего сторожишься?" -- вызывал в себе чувство сострадания к девушке, приветливо кивал ей головою Командор. Однако под спудом сознания давило, грызло: почему конопатая, редкозубая, с наземного цвета волосами девка жива, а Тайка-красавица погибла? Почему? От Тайки радость отцу была. От нее бы и дети здоровые да красивые пошли, от этой что уродится? Сор!

-
- **Так думать нельзя, увещевал себя Командор. Скрутит его за черные такие мысли судьба, покарает, но ничего с собою поделать не мог.**
 - **Неприязнь к людям, злоба на них заполнила все в нем, расплзлась болезнью страшнее рака: он делал то, что было в его силах, -- старался как можно реже и меньше бывать на людях, обитал в каюте самоходки, пьяный завывал, мочил слезами портрет дочери, муслил его распухшими губами, когда совхозную самоходку отправляли на зимний отстой, забирался в тайгу, на охоту, срубив на Сыме потайную избушку.**
-

■ У Командора, от роду ничем тяжело не болевшего, начало сдавать сердце, поднялось давление от бессонницы и головные боли раскраивали череп, непомерно тяжело ему стало носить свою душу, словно бы обвисла она и пригнетала Командора к земле, ниже, ниже, того и гляди вывалится, вся обугленная, ударится оземь, провалится в яму, где в кедровом струганом гробу лежит нарядно одетая, в кружевах, в бантах, в лаковых туфельках светлая девочка, не успевшая стать девушкой, -- кровинка, ласточка, ягодка неспелая, загубил ее пропойный забулдыга,

сухопутный браконьер.

Проблема взаимоотношения природы и человека.
Резкое осуждение варварского отношения

к природе на примере браконьеров

Игнатъич, Командор, Дамка, Грохотало – браконьеры. В каждом из них мелькает какая-то своя золотинка человеческой любви или человеческого достоинства.

Но всё это подавляется безграничным хищничеством, стремлением урвать лишний кусок.

Командор умен, деятелен, знающ, потому более агрессивен и опасен. Сложность его и в том, что временами он задумывался о своей душе, дочь свою Тайку-красавицу любил до самозабвения и готов был для неё сделать все. Однако браконьерничал Командор профессионально, так как урвать побольше и всюду, где можно, - смысл его жизни. Он верный сын Чуши и живет по законам поселка издавна. Для автора Командор сильный, изворотливый хищник номер один, недостойный сострадания.

- **«Клюв», «хищно», «нахально скаля зубы», «стреляться не миновать» - вот главные детали образа Командора.**
 - **И хотя он тоскует по иной доле, мечтает уехать в теплые края и жить спокойно, честно – пусть другого дурака гоняют и стреляют, - любит дочь и по-человечески глубоко страдает, когда её сбила машина, управляемая пьяным шофером, мы испытываем один непреодолимый ужас от целей и смысла Командоровой жизни.**
 - **Ржа бездуховности съела все лучшее, что продолжало слабо теплиться в нем.**
-